Миграция в сельской местности Калининградской области: масштабы и география потоков[1]

А. В. Лялина, К. Ю. Волошенко, А. П. Плотникова

Анна Валентиновна Лялина, кандидат географических наук, научный сотрудник Центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14. Россия. E-mail: anuta-mazova@mail.ru.

Ксения Юрьевна Волошенко, кандидат экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14. Россия. E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

Ангелина Петровна Плотникова, аспирант, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14. Россия. E-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com

Миграционные процессы в сельской местности российских регионов сегодня в высокой мере пространственно неоднородны и отражают протекание встречных по направлению процессов — урбанизации, дезурбанизации и субурбанизации. Пандемия COVID-19, сопровождавшаяся ростом удаленной занятости, а также усиление эксклавности Калининградской области в условиях действия внешних ограничений (которая проявляется в росте уязвимости, изолированности, периферийности, закрытости, ограниченности ресурсов и потенциала), с одной стороны, и рост популярности региона среди российских туристов — с другой, создают предпосылки к трансформации внутренних и внешних миграционных процессов в Калининградской области, которые, несомненно, затрагивают и сельскую местность. Целью исследования стало выявление изменений в масштабах и географии миграционных потоков в сельской местности Калининградской области на временном интервале 2011–2023 гг. Традиционные для миграционных исследований относительные показатели, характеризующие интенсивность миграционных потоков, рассчитаны впервые на данных о внутрирегиональной миграции между муниципалитетами отдельно для сельской местности. С помощью типологизации и картографических методов обоснованы различия в миграционной привлекательности и специфике протекания миграционных процессов в ближней пригородной, дальней пригородной и периферийной зонах. Миграционный прирост сельской местности ближних пригородов характеризуется стремительным ростом, главным образом за счет мигрантов из других регионов России и жителей областного центра, но также и в результате переселения жителей городов и сел восточной части области. Сельская местность дальних пригородов и периферии стала медленнее терять население по причине более заметного замещения оттока в результате сельско-городской миграции приростом за счет межрегиональной миграции.

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-27-00098, https://rscf.ru/project/25-27-00098/

Ключевые слова: сельская местность, внутренняя миграция, сельско-городская миграция, муниципальные образования, пригороды, периферия, агломерация, Калининградская область

EDN: UPONPO

Сельская местность Калининградской области начиная с 2021 г. все активнее включается в миграционные процессы, происходящие в регионе. Вовлечение сельских территорий влечет не только внутрирегиональное перераспределение населения, но внешний миграционный обмен с другими регионами России и странами. В 2023 г. на сельскую местность пришлось более 34% суммарного сальдо миграции региона, в то время как в 2011–2020 гг. в среднем этот показатель не превышал и 10%. За период 2011–2023 гг. в сельскую местность переехало на постоянное место жительства более 131 тыс. человек, или 24% от всех прибывших. Это в целом соответствует распределению населения между городской и сельской местностью — в среднем в 2011–2023 гг. в сельской местности проживало около 22% населения. Однако в структуре выбывших удельный вес сельской местности оказался выше — 27%, или 115 тыс. человек.

Происходящие изменения в социально-экономическом развитии сельской местности Калининградской области обуславливают рост ее привлекательности. В числе этих изменений рост транспортной связности внутри региона, которая расширяет возможности маятниковой миграции для сельских жителей в городах области. Растет и число рабочих мест на селе, как в сфере сельского хозяйства и агропромышленного комплекса, так и в альтернативных формах занятости, например, в туризме. На социально-экономическое развитие удаленных сельских муниципалитетов области направлен ряд региональных мер и механизмов поддержки предпринимателей (программа «Восток»[2], программа «Агростартап»[3]). Кроме того, влияние оказала и пандемия COVID-19, когда в условиях широко распространившейся дистанционной занятости актуализировались миграционные факторы качества жизни, обусловившие процессы дезурбанизации. В то же время на уровне муниципалитетов по линии запад-восток, город-село сохраняются диспропорции в уровне социально-экономического развития, что продолжает играть важную роль в формировании внутренних миграционных потоков.

2. Льготные займы субъектам малого и среднего предпринимательства на инвестиционные цели из средств региональной субсидии. Утверждено Протоколом Наблюдательного совета фонда «Центр поддержки предпринимательства Калининградской области» № 12/2021 от 29.06.2021.
3. Грант в форме субсидии юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям в рамках создания поддержки фермеров и развития сельской кооперации. Утверждено Приказом Министерства сельского хозяйства Калининградской области от 04.05.2021 № 108.

Происходящие изменения трансформируют пространственную структуру миграционных потоков в сельской местности, оказывают неравномерное воздействие на замещение населения, что предопределяет территориальные особенности экономико-демографической безопасности региона. Таким образом, целью настоящего исследования стало выявление и описание пространственных изменений в масштабах и географии миграционных потоков в сельской местности Калининградской области на временном интервале 2011–2023 гг.

Степень изученности проблемы и научная новизна исследования

Миграционные процессы в сельской местности в России являются предметом изучения многих отечественных авторов. Для целей данного исследования интерес представляют следующие ранее полученные результаты.

Урбанизация и ассоциированные с ней перетоки населения из сельской местности в городскую демонстрируют заметное снижение интенсивности. Основной причиной этого является сокращение миграционного потенциала на селе (Карцева, Мкртчян, Флоринская, 2024), а также встречный поток возвратной миграции в сельскую местность и дезурбанизация (Никулина, Арефьева, Сарайкин, 2022). Значение имеет также замещение внутреннего оттока сельского населения в города притоком в сельскую местность мигрантов из других стран или регионов России (Ryazantsev, Bragin, 2023).

Отмечаются пространственные особенности протекания миграционных процессов в сельской местности в зависимости от удаленности от крупного города. Доказано, что на периферии сельская местность испытывает отток населения, в то время как пригородные села прирастают за счет мигрантов, как по причине субурбанизации, дезурбанизации, возвратной миграции и транзитной миграции с периферии поближе к крупному городу, так и внешней миграции (Карцева, Мкртчян, Флоринская, 2024; Мкртчян, 2024; Югов, 2021; Mkrtchyan, 2019). Как правило, именно здесь складываются потоки село-село в пределах одного региона, когда жители удаленных периферийных сел переезжают ближе к центру. Именно в пригородах формируется среда, объединяющая городской и сельский образ жизни, и, по сути, они представляют промежуточное положение в сельско-городском континууме (Трейвиш, 2016; Григоричев, 2013). В то же время исследователи отмечают (Аверкиева, 2023), что дезурбанизация, т.е. переселение городских жителей в сельскую местность, имеет место не только в пригородах, но за их пределами, на периферии, тем самым смягчая последствия оттока селян в города.

Объясняя масштабы и географию миграционных процессов в сельской местности российских регионов, исследователи отмеча-

ют, что ведущими факторами сельско-городской миграции по-прежнему выступают выталкивающие, связанные с отставанием сельской местности от городской по показателям уровня и качества жизни (Карцева, Мкртчян, Флоринская, 2024; Нефедова, Мкртчян, 2017; Хагуров и др., 2020; Chaplitskaya, Tassinari, Heijman, van Ophem, 2024). Это более низкие возможности получения образования и трудоустройства на квалифицированные рабочие места, с чем связан разрыв в уровне оплаты труда в городской и сельской местности, слабо развитая культурная, социальная, хозяйственно-бытовая инфраструктура, дефицит квалифицированной медицинской помощи, социальные болезни общества (наркомания, алкоголизм, тунеядство) и другие. В миграции село-село движущей силой выступают в целом те же самые факторы, дополненные нежеланием менять образ сельской жизни на городской, при этом имея доступ к городской инфраструктуре. Такое стремление может быть сопряжено в том числе с более широкими возможностями ведения сельского хозяйства (личного подсобного или крестьянско-фермерского) в пригородах по причине наличия удобного рынка сбыта в крупном городе. В то же время исследования доказывают, что зачастую такие потоки ограничены сложившимися «ловушками бедности», которые характеризуются, прежде всего, высоким уровнем бедности среди сельского населения и внутрирегиональным неравенством (Вакуленко, 2019). Согласно (Андреева, Карачурина, 2021; Моляренко, 2013; Никулина, Арефьева, Сарайкин, 2022; Овчинцева, 2021; Mkrtchyan, 2019; Ryazantsev, Bragin, 2023), факторы возвратной миграции и дезурбанизации могут иметь не только экономическую природу. Наравне с возможностями развития предпринимательства на селе, приобретения более дешевой недвижимости мигранты из городов выбирают сельскую местность по семейным, психологическим, экологическим и личным причинам.

В более ранних исследованиях, посвященных миграции населения в Калининградской области (Лялина, 2022; Лялина, 2019; Лялина, 2023; Федоров, Киндер, Кузнецова, 2021), выявлен и описан центростремительный переток населения восточной периферийной, с преобладанием сельского населения, части региона в западную более развитую. Это обусловлено градиентами в социально-экономическом развитии поселений области по линии восток-запад, центр-периферия, которые в большинстве своем совпадают (Гуменюк, Гуменюк, 2021; Гуменюк, Юстратова, 2024; Кузнецова, Сибирева, 2020; Лялина, 2020; Федоров, Киндер, Кузнецова, 2021; Федоров, Кузнецова, Разумовский, 2017; Lialina, Morachevskaya, 2022). В своей работе Г. М. Федоров (Федоров, 2023: 132) указывает на отставание «периферии в развитии социальной инфраструктуры от пригородной зоны» и, как правило, меньшие возможности «развития сельско-городских связей (в особенности обслуживания села городской инфраструктурой) периферийных восточных муниципалитетов по сравнению с пригородными западными».

В данной статье приведена попытка на основе новых данных о миграции в сельской местности муниципальных образований Калининградской области проследить, насколько общероссийские миграционные тенденции в сельской местности, такие как урбанизация, дезурбанизация, возвратная миграция, сельско-сельская миграция, замещение внутренних миграционных потерь внешней миграцией, выражены в российском эксклаве на Балтике.

Материалы и методика исследования

Оценка масштабов и обобщенных миграционных потоков на уровне муниципальных образований Калининградской области проводилась на данных Калининградстат за 2011–2023 гг. с использованием традиционных для миграционных исследований показателей. Для выявления внутрирегиональных особенностей протекания миграционных процессов применялся метод типологии, который традиционно предшествует дальнейшим глубоким качественным исследованиям факторов миграции в конкретных типологических группах территориальных единиц. Как правило, для анализа и сравнения территорий по уровню вовлеченности в миграционные процессы в типологиях применяют абсолютные и относительные показатели сальдо, оборота и результативности миграции, числа прибытий и выбытий (Алешковский, 2015; Алешковский, 2007; Лялина, 2023; Einem, Panter, Reid, 2023; Peck, 2021). Детализация географии внутренней миграции на уровне муниципальных образований проводилась на данных матрицы внутренней миграции населения между муниципалитетами Калининградской области — статистическая форма t-pt2n — «Внутрирегиональная миграция населения по территориям прибытия и выбытия». Впервые в работе использованы данные применительно к сельской местности, а не суммарно для городской и сельской местности, которые ранее уже являлись базой ряда исследований российских ученых (Карачурина, Мкртчян, 2021; Стешина, 2010; Тарасова, 2018). Это позволило выделить миграционные потоки между сельской местностью и городскими округами, образованными городами без сельских населенных пунктов (Калининград, Советск, Пионерский), и другими муниципальными образованиями региона.

Обоснование пространственных особенностей миграционных процессов в сельской местности региона проводится в рамках территориальных зон, выделенных профессором Г. М. Федоровым (Федоров, Киндер, Кузнецова, 2021): ближняя пригородная зона — Гурьевский, Зеленоградский, Багратионовский муниципальные округа (МО), Светлогорский, Пионерский, Светловский, Янтарный, Мамоновский, Ладушкинский и Балтийский городские округа (ГО); дальняя пригородная зона — Полесский, Гвардейский и Правдинский МО; периферийная зона — Славский, Краснознаменский, Неманский, Нестеровский, Озерский, Черняховский МО, Гусевский и Советский ГО.

Сельская местность Калининградской области в 2011–2023 гг. демонстрировала растущую миграционную привлекательность, и в 2022—2023 гг. сальдо миграции на селе оказалось на 77% выше, чем в городах области. Это обусловлено, прежде всего, увеличением интереса к сельской местности региона со стороны межрегиональных и внутренних мигрантов. Только в 2014 и 2018 г. сальдо миграции в сельской местности опускалось до нулевых значений вследствие кратковременного увеличения внутренних переселений в города, а в 2014 г. — также за рубеж (рис. 1). Максимальное значение сальдо миграции в сельской местности пришлось на два пандемийных года (2020–2021 гг.). Рост прибытий достиг максимальных значений за рассматриваемый период в 2021 г. — почти 13 тыс. человек (179% к 2011 г.), а сальдо миграции составило 3,2 тыс. человек.

Развитие миграционной ситуации в сельской местности Калининградской области в рассматриваемый период имело ряд схожих черт с городской местностью, которые отражают рост миграционной привлекательности области для переселенцев из других регионов России после 2014 г. и вплоть до 2022 г. Такая тенденция сопряжена с увеличением привлекательности региона для туристов и ростом экономики как вследствие реализации крупных инвестиционных проектов, так и поддержки малого и среднего бизнеса в регионе, расширения рыночных возможностей для их развития (на фоне импортозамещения), в том числе в сельской местности.

Волатильность знака сальдо миграции с другими странами определяется, прежде всего, возможностями занятости для трудовых мигрантов в регионе (например, строительство объектов к ЧМ-2018 по футболу), ограничениями в период противодействия распространения пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг. и особенностями пребывания мигрантов в России в этот период[4], курсом рубля по отношению к мировым валютам. В целом на новом этапе развития миграционной обстановки после 2019 г. роль международной миграции в значительной степени сократилась — если в 2011–2018 гг. интенсивность сальдо международной миграции в сельской местности была сопоставима с межрегиональной (1,2‰ против 1,5‰), то в 2019–2023 гг. — уже в 18 раз ниже (0,3‰ против 5,3‰).

Во внутрирегиональной миграции населения сельская местность в 2011–2019 гг. выступала донором мигрантов для городов области. Однако в 2020–2023 гг. отмечается баланс между городской и сельской местностью.

4. Например, продление сроков регистрации в России иностранных граждан в 2020 г., которое сказалось на сокращении числа выбытий во второй половине 2021 г. и избыточном учете выбытий, не попавших в учет 2021 — в начале 2022 г.

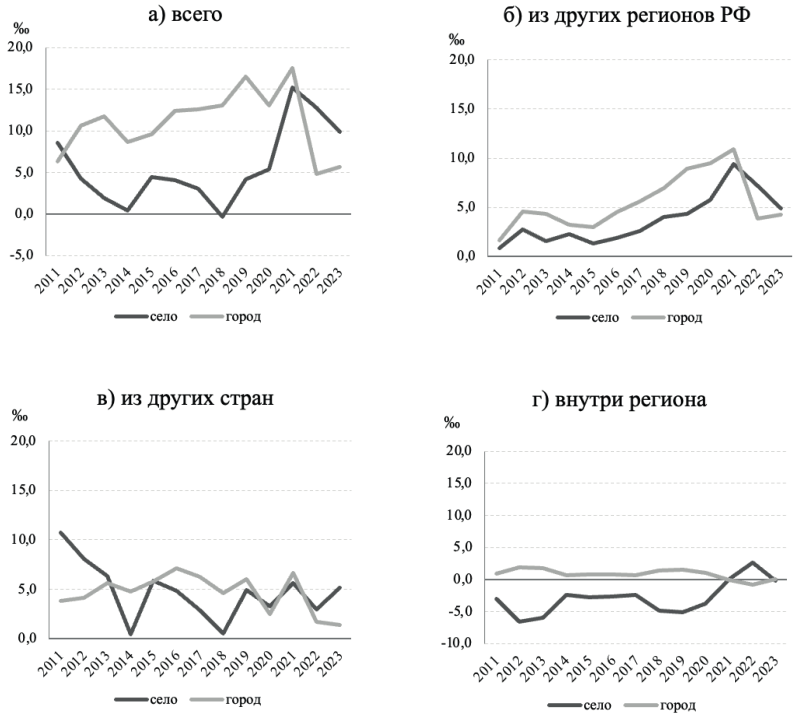

Рис. 1. Коэффициент сальдо миграции населения в городской и сельской местности Калининградской области по направлениям миграции, ‰

За период 2011–2023 гг. в сельскую местность Калининградской области переехало на постоянное место жительства 15,6 тыс. мигрантов, что составило чуть более половины суммарного прироста численности населения сельских поселений региона.

Таким образом, в пандемийные и постпандемийные годы роль сельской местности в российском эксклаве заметно возросла, как и повысилась миграционная привлекательность региона не только для проживания в городах, но и на селе. При этом отмечаются пространственные особенности протекания миграционных процессов в сельской местности на уровне территориальных зон.

Межмуниципальные различия в миграционной обстановке

Сельское население в пределах области концентрируется в ближней пригородной зоне — здесь проживает почти 60% всего сельского населения региона (табл. 1). При этом доля его в численности населения округов зоны незначительна — в среднем до 30%. Напротив, преимущественно сельское население в сравнении с численностью городского проживает в дальней пригородной зоне и на периферии.

В 2011–2023 гг. миграционная обстановка в ближней пригородной зоне позитивно выделялась по сравнению с дальней пригородной и периферийной зонами. По сравнению с 2011–2018 гг. в 2019–2023 гг. миграционная привлекательность сельской местности ближних пригородов, относящихся к Калининградской городской агломерации, выросла в 3,7 раза, что позволило нарастить численность сельского населения за 13 лет на 5% (рис. 2). Это касается, прежде всего, Гурьевского МО и приморских Зеленоградского МО, Светлогорского ГО и Янтарного ГО.

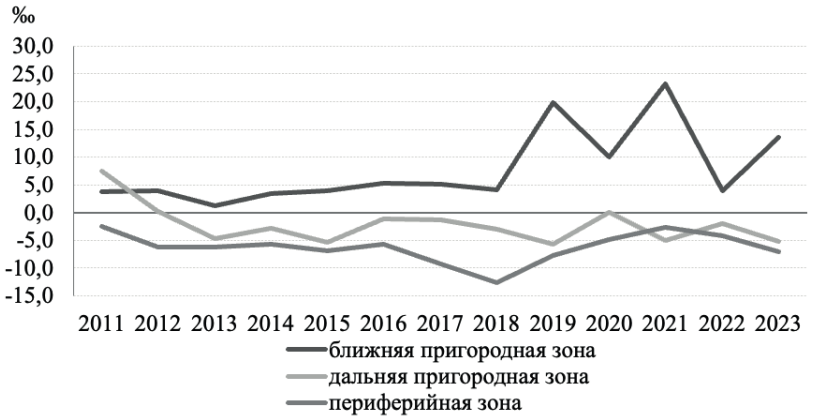

Рис. 2. Коэффициент сальдо миграции в сельской местности в пространственных зонах Калининградской области, ‰

Таблица 1. Некоторые показатели изменения численности и доли сельского населения в пространственных зонах Калининградской области

	Доля сельского населения, % (2023)	Суммарная численность сельского населения, тыс. чел. (2023)	Изменение численности населения, % (2023/2011)	Изменение доли сельского населения, % (2023/2011)
Ближняя пригородная зона	30,0	141,7	105,1*	90,6*
Дальняя пригородная зона	63,3	39,5	99,4	106,4
Периферийная зона	52,4	60,9	80,4	96,9

Примечание: *без учета изменения численности сельского населения Светлогорского ГО по причине включения двух городских поселений (Донское и Приморье) в 2018 г. совокупной численностью населения более 4,1 тыс. чел. в состав сельской местности.

В муниципалитетах с преобладающим сельским населением в дальних пригородах и на периферии, напротив, сохранялся отток населения, в 2020–2022 гг. приблизившийся к минимуму — 0,0‰ и -2,7‰ соответственно. На этом фоне в рассматриваемом периоде численность сельского населения на периферии сократилась на 20%, а его доля — на 3%. При этом в дальних пригородах, напротив, доля сельского населения возросла. Это обусловлено главным образом более интенсивным оттоком горожан, преимущественно в областной центр и его ближайшие пригороды. Второстепенную роль играет переток сюда населения периферии, в том числе вследствие более широких возможностей для занятости в сфере агропромышленного комплекса (для фермеров — ближе большой рынок сбыта, для наемных работников — есть крупные агрохолдинги).

По специфике сложившейся миграционной обстановки в сельской местности муниципалитеты Калининградской области могут быть типологизированы следующим образом:

Тип 1 объединил муниципалитеты с миграционным приростом: подтип 1.1 — более 10,1‰, подтип 1.2 — от 5,1 до 10,0‰, подтип 1.3 — от 2,1 до 5,0‰.

Наиболее быстро растет за счет мигрантов сельская местность Гурьевского, Зеленоградского и Светлогорского округов по причине значительного увеличения притока из других регионов РФ (в Светлогорском ГО — в 9 раз, в Зеленоградском МО — в 2 раза) и других поселений области (Зеленоградский МО — в 5 раз) по сравнению с 2011–2018 гг. (табл. 2).

Подтип 1.2 с повышенной миграционной привлекательностью также включает два муниципалитета ближней пригородной зоны. Отмечается увеличение интенсивности миграционного прироста в Янтарном. Как и в подтипе 1.1, ключевую роль сыграл рост сальдо миграции внутри региона (смена убыли на прирост) и с другими субъектами РФ. В Светловском ГО, напротив, общий прирост несколько сократился вследствие снижения сальдо международной миграции практически до нуля.

В подтип 1.3 выделен Багратионовский МО с прилегающими городскими округами Ладушкин и Мамоново, где более чем в два раза сократившийся внутрирегиональный отток полностью компенсируется внешней, прежде всего межрегиональной, миграцией.

Тип 2 — это муниципалитеты с околонулевым сальдо миграции. В 2019–2023 гг. в составе типа Черняховский, который выступает центром притяжения на востоке области (административный центр округа — Черняховск, один из трех полусредних городов области) и Полесский МО с динамично развивающимся сектором АПК, характеризующиеся улучшением миграционной ситуации, и Балтийский ГО, наоборот, — ухудшением. В первых двух отмечается снижение оттока населения в пределах области и увеличение прироста в межрегиональной миграции. В Балтийском ГО почти в 4 раза

вырос внутрирегиональный отток населения, а межрегиональный приток сократился более чем в 2 раза.

Тип 3 включает округа дальней пригородной и периферийной зон с миграционной убылью населения различной интенсивности: подтип 3.1 — от -5,0 до -2,1‰, подтип 3.2 — от -9,9 до -5,1, подтип 3.3 — менее -10,0‰.

Наименее ярко выраженный отток населения сложился в Нестеровском, Краснознаменском и Гвардейском округах подтипа 3.1. При этом если в периферийных муниципалитетах отток сократился почти в 3 раза, то в Гвардейском МО дальней пригородной зоны он сопоставимо вырос. В Нестеровском районе увеличился приток из других регионов РФ, в том числе по причине интенсивного развития сектора АПК (занятость в сельском хозяйстве выросла в 2 раза, 2024 к 2011). Для Краснознаменского района значение имеет прежде всего сокращение оттока внутри региона. Рост миграционной убыли в Гвардейском МО связан с сохранением внутриобластного оттока при практически полном исчерпании замещения внешней миграцией.

Подтип 3.2 объединил два округа, демонстрирующие ухудшение миграционной ситуации, — Гусевский ГО (административный центр округа — Гусев, один из трех полусредних городов области) и Правдинский МО в дальней пригородной зоне. Здесь отмечается значительное увеличение внутрирегионального оттока (в Гусевском ГО — более чем в 10 раз). Это также два муниципалитета периферии — Озерский МО и Славский МО, традиционно характеризующиеся высоким внутрирегиональным миграционным оттоком, но в 2019–2023 гг. он заметно сократился.

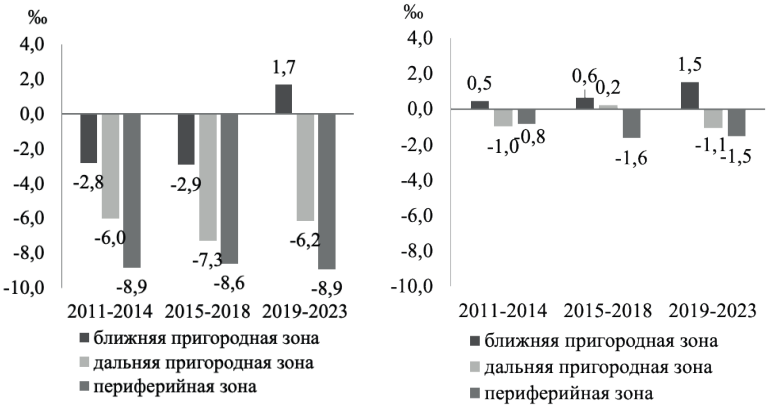
К подтипу 3.3 отнесен периферийный Неманский МО с максимальной миграционной убылью вследствие усиления оттока в пределах области.

Таблица 2. Типология муниципальных образований Калининградской области по специфике сложившейся миграционной обстановки в сельской местности

		Тип	Коэффициент сальдо миграции населения, ‰ (в среднем за период)							
			2011–2018 гг.				2019–2023 гг.			
			внутри региона	с другими регионами РФ	с другими странами	общий	внутри региона	с другими регионами РФ	с другими странами	общий
Ближняя пригородная зона	Багратионовский МО*	1,3	-8,7	0,4	7,0	-1,3	-3,3	5,3	2,7	4,7
	Светловский МО	1,2	0,4	4,9	2,6	12,6	1,5	6,4	0,1	7,7
	Балтийский ГО	2	-2,7	11,5	0,1	9,8	-10,1	5,3	0,1	1,2
	Гурьевский МО	1,1	8,9	5,2	2,0	23,7	8,2	9,5	0,8	23,5
	Зеленоградский МО	1,1	2,3	5,6	0,6	11,2	11,9	11,6	0,5	28,4
	Светлогорский МО	1,1	5,3	2,5	0,1	9.4	4,3	24,0	0,2	35,8
	ГО «П. Янтарный»	1,2	-1,9	3,0	0,1	3,6	3,1	5,0	0,3	6,9
	всего по зоне		-2,3	2,7	1,5	4,3	3,2	9,0	0,4	15,2
Дальняя пригородная зона	Полесский МО	2	-8,2	0,7	1,0	-4,1	-5,3	2,1	0,4	1,1
	Правдинский МО	3,2	-5,8	1,9	1,9	1,7	-9,2	2,9	0,0	-7,7
	Гвардейский МО	3,1	-7,2	1,6	1,3	-1,6	-7,2	0,2	0,2	-4,4
	всего по зоне		-7,0	1,4	1,4	-1,3	-7,3	1,7	0,2	-3,7
Периферийная зона	Гусевский ГО	3,2	-0,5	0,8	0,7	2,8	-5,8	0,3	0,2	-5,4
	Краснознаменский МО	3,1	-12,9	1,0	0,6	-9,9	-9,6	2,4	0,2	-3,5
	Неманский МО	3,3	-13,1	-0,3	0,9	-10,7	-14,9	1,9	0,2	-12,2
	Озерский МО	3,2	-13,6	-1,0	0,5	-13,5	-13,0	0,4	0,3	-8,5
	Славский МО	3,2	-12,1	-0,5	0,9	-10,4	-10,3	1,3	0,2	-6,2
	Черняховский МО	2	-6,6	-0,6	0,6	-4,8	-6,6	1,7	0,4	-1,7
	Нестеровский МО	3,1	-11,0	0,5	0,6	-8,5	-13,1	6,3	0,3	-2,8
	всего по зоне		-10,0	0,0	0,7	-7,9	-10,5	2,0	0,2	-5,8

Примечание: *здесь и в таблице 3, включая ГО «г. Ладушкин» и ГО «г. Мамоново», поскольку в 1962–1997 гг. они входили в состав Багратионовского муниципалитета, а численность сельского населения невелика: в Ладушкине — 89 человек, в Мамонове — 213 человек (2023 г.).

Процессы внутренней миграции населения протекают в сельской местности в пространственных зонах Калининградской области по-разному (рис. 3). В дальней пригородной зоне и на периферии превалирует отток по линии село-город (85% всех миграционных потерь в сельской местности), который дополняется хоть и менее интенсивной убылью населения в рамках миграции село-село. В ближней пригородной зоне ранее преобладающий отток из сел в города сменился в 2019–2023 гг. обратным процессом переселения из городов в села. Практически равнозначную роль для увеличения численности сельского населения ближних пригородов играет и миграция по линии село-село.

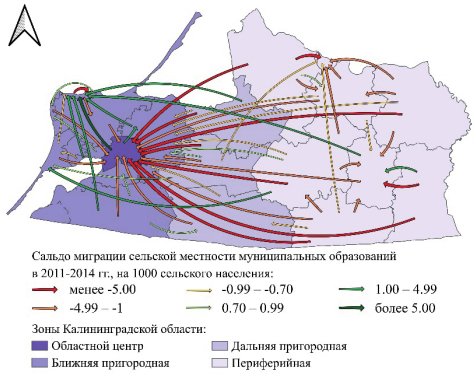

а) за счет городской местности б) за счет сельской местности

Рис. 3. Коэффициент сальдо внутренней миграции населения сельской местности по пространственным зонам Калининградской области

Суммарно за 2011–2023 гг. сельская местность Калининградской области потеряла почти 15 тыс. человек за счет миграции в города. Сегодня интенсивность миграционной убыли колеблется по муниципалитетам от -4,7‰ до -14,3‰ (табл. 3). При этом суммарная естественная убыль сельского населения в этот период составила около 2 тыс. человек. В этих потоках наиболее заметно переселение в города сельского населения Багратионовского МО (включая Ладушкин и Мамоново) и Славского МО, на которые приходится 17,0% и 14,0% соответственно совокупной убыли сельского населения в городскую местность. Основными рецепторами мигрантов из сел выступает областной центр г. Калининград с пригородом г. Гурьевском, а также административные центры соответствующих муниципальных образований (рис. 4). На востоке области зону

притяжения селян также формирует полусредний город Советск, влияние которого распространяется главным образом на соседние Славский и Неманский округа, значительно меньше — на Краснознаменский МО. Для сельской местности восточной периферии также значение имеет переезд и в другие полусредние города — Гусев и Черняховск.

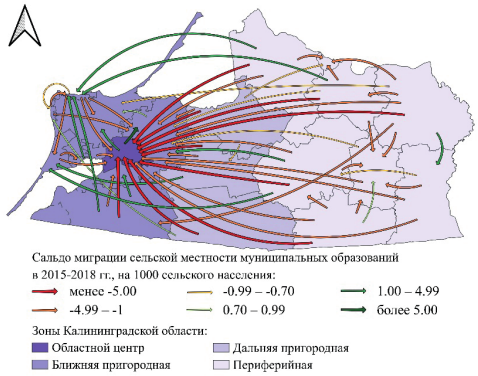

Рис. 4. Миграционные потоки между сельской местностью и муниципальными образованиями Калининградской области в 2011–2014 гг. (а), 2015–2018 гг. (б), 2019–2023 гг. (в)

Примечание: миграционные потоки, отражающие миграционную убыль, приведены к численности сельского населения муниципалитета исхода; миграционные потоки, отражающие миграционный прирост, рассчитаны к численности населения сельской местности муниципалитета вселения.

Особый режим воспроизводства сельского населения за счет внутренней миграции сложился начиная с 2014 г. в Гурьевском МО и Зеленоградском МО (рис. 4). Вследствие расположения в зоне влияния областного центра сельская местность прирастает главным образом в результате миграции горожан — жителей столицы Калининграда (дезурбанизация), а также в меньшей степени жителей городов и сел более удаленных от центра муниципалитетов. Так, в сельскую местность Гурьевского МО в 2011–2023 гг. переехало из Калининграда 3,8 тыс. чел. при совокупном приросте за счет городской местности 4,9 тыс. чел.; в села Зеленоградского МО — 0,9 тыс. чел. при 1,2 тыс. чел. всего прироста за счет городской местности. Из муниципалитетов дальней пригородной зоны и периферии в сельскую местность Гурьевского МО в этот период переехало 1,9 тыс. чел., Зеленоградского МО — 0,5 тыс. чел. Кроме того, между этими округами также сформировался небольшой переток населения по линии село-село.

В целом миграционные потоки между муниципалитетами по направлению село-село выражены крайне слабо — их интенсивность не превышает 2,5 человека на 1000 населения. Кроме вышеназванного перетока сельского населения периферии и дальних пригородов в сельскую местность ближайших пригородов областного центра (Гурьевский МО и Зеленоградский МО), значение представляет перемещение в сельскую местность Багратионов-

ского МО (включая Ладушкин и Мамоново), который также относится к ближней пригородной зоне, сельского населения более удаленных от центра округов (Правдинского, Краснознаменского и Славского).

Таблица 3. Коэффициент сальдо внутренней миграции населения сельской местности Калининградской области, ‰

		За счет городской местности			За счет сельской местности			Всего		
		2011–2014	2015–2018	2019–2023	2011–2014	2015–2018	2019–2023	2011–2014	2015–2018	2019–2023
Ближняя пригородная зона	Багратионовский МО	-6,7	-8,4	-5,6	-0,7	-1,4	0,6	-7,5	-9,9	-4,9
	Светловский ГО	2,8	-2,7	0,9	0,9	-0,2	0,6	3,7	-2,8	1,5
	Балтийский ГО	-1,8	-4,7	-9,4	2,3	-1,3	-0,7	0,5	-6,0	-10,1
	Гурьевский МО	4,3	8,9	7,2	2,2	2,5	1,0	6,4	11,4	8,2
	Зеленоградский МО	-2,4	3,6	9,7	1,1	2,2	2,2	-1,3	5,8	11,9
	Светлогорский ГО	11,6	-6,1	3,0	0,1	5,1	1,4	11,7	-1,0	4,3
	ГО «П. Янтарный»	-2,8	0,0	3,3	-0,6	-0,3	-0,3	-3,6	-0,2	3,1
Дальняя пригородная зона	Полесский МО	-5,9	-8,6	-4,7	-1,3	-0,5	-0,6	-7,2	-9,1	-5,3
	Правдинский МО	-5,1	-7,0	-7,6	0,2	0,3	-1,6	-4,8	-6,7	-9,2
	Гвардейский МО	-7,1	-6,4	-6,2	-1,8	0,9	-1,0	-8,9	-5,5	-7,2
Периферийная зона	Гусевский ГО	0,8	-3,0	-3,8	1,4	-0,1	-2,0	2,2	-3,2	-5,8
	Краснознаменский МО	-12,6	-9,0	-8,1	-1,1	-3,0	-1,5	-13,7	-12,0	-9,6
	Неманский МО	-12,0	-14,6	-14,3	1,1	-0,6	-0,6	-10,9	-15,2	-14,9
	Озерский МО	-10,6	-10,5	-10,9	-4,3	-1,8	-2,1	-14,9	-12,3	-13,0
	Славский МО	-11,1	-9,4	-9,1	-0,4	-3,3	-1,2	-11,6	-12,7	-10,3
	Черняховский МО	-5,5	-6,3	-4,9	-0,8	-0,7	-1,7	-6,3	-7,0	-6,6
	Нестеровский МО	-10,9	-7,5	-11,4	-1,6	-2,0	-1,7	-12,4	-9,5	-13,1

Миграционные потери сельской местности в результате внутрирегионального перемещения сегодня полностью компенсируются притоком извне, а в муниципалитетах с положительным внутренним миграционным сальдо внешняя миграция усиливает его. Соотношение международной и межрегиональной миграции в структуре сальдо миграции в целом сбалансировано.

Кроме рассмотренного выше (см. рис. 1) сокращения объемов *международной миграции* в расселении мигрантов из-за рубежа отмечается рост концентрации в ближней пригородной зоне: если в 2011–2018 гг. на эти муниципалитеты приходилось 69% суммарного сальдо международной миграции в регионе, то в 2019–2023 гг. — уже 75%, главным образом за счет пригородов областного центра — Гурьевского МО (50%), Зеленоградского МО (13%) и Багратионовского МО (с Ладушкиным и Мамоновым) (11%). При этом дальние пригороды снизили свою привлекательность для иммигрантов в 2 раза. Высокие показатели в Багратионовском МО, кроме прочего, связаны с размещением на его территории Центра временного размещения в пос. Северный для временного пребывания участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

В межрегиональной миграции, значительно нарастившей свои объемы в рассматриваемый период, важной особенностью стал рост вовлеченности в миграционный обмен не только западной части области, но и восточной периферийной: если в 2011–2018 гг. здесь фиксировался отток населения в другие регионы России, то в 2019–2023 гг. среднегодовой миграционный прирост в группе периферийных муниципалитетов сравнялся со значениями по группе округов дальней пригородной зоны. Именно поэтому в структуре миграционного прироста за счет обмена с другими регионами России доля муниципалитетов-лидеров снизилась, несмотря на рост абсолютных значений: Гурьевский МО — с 51 до 45%, Зеленоградский МО — с 24 до 19%. В то же время привлекательность сельских пригородов для переселенцев из других регионов РФ росла заметно быстрее, чем остальной территории региона. К числу других округов реципиентов переселенцев из других регионов России выделяются курорт федерального значений Светлогорский ГО (8%), промышленный пригород областного центра — Багратионовский МО (9%), сельскохозяйственный Нестеровский МО (5%).

Длительное замещение внутрирегионального оттока внешней миграцией в сельской местности нашло отражение и в национальном составе наличного населения по данным всероссийских переписей населения (ВПН). В целом для сельской местности характерен более пестрый состав населения, чем для городской, — доля иноэтничного населения (не русского) составила, по данным ВПН-2010,

в среднем в сельской местности 16%, в городской — 13%. Эта разница достигает максимальных значений в сельской местности именно на периферии, испытывающей максимальный отток внутри региона. Так, в Неманском МО она составляет 14 пп. — 27% против 13%, в Краснознаменском МО и Черняховском МО — 7% (20–21% против 13–14%). Значительное сокращение доли иных национальностей в составе сельского населения, по данным ВПН-2020 (до 9%), может быть обусловлено как изменением миграционной обстановки (сокращение объемов международного входящего потока и снижение внутреннего оттока), так и качеством проведенной переписи[5].

Дискуссия и выводы

В Калининградской области, как и в Крыму (Ожегова, Сазонова, 2024) или в Алтайском крае (Миграция..., 2019), наиболее быстро растут сельские пригороды столиц. Однако в отличие от ряда других регионов России (Григоричев, 2011), миграционная привлекательность сельских пригородов в пределах Калининградской городской агломерации стала возрастать относительно недавно — начиная с 2014 г., а наиболее интенсивно — после 2020 г. Главной движущей силой при этом выступают не только жители областной столицы, но и переселенцы из других регионов России и зарубежных стран. Это обусловлено возросшей миграционной привлекательностью Калининградской области в этот период и выделяет регион на фоне других регионов России.

Для роста численности населения сельских пригородов Калининградской области в рассматриваемом периоде возросло значение потоков по линии город-село, переселения жителей областного центра, что характеризует процессы дезурбанизации и субурбанизации. При этом вклад потоков из периферии и дальних пригородов в сельскую местность ближних пригородов, как часть процесса урбанизации (Григоричев, 2016), несмотря на абсолютный рост, снизился. В целом переток сельского населения востока области ближе к центру может быть обусловлен как расширенными возможностями ведения сельского хозяйства вблизи крупного рынка сбыта, так и финансовыми ограничениями («ловушки бедности») переезда в областной центр.

5. Так, по данным ВПН-2020, не указали национальную принадлежность 10% сельских жителей Калининградской области, по данным ВПН-2010 — 3%. Эксперты отмечают критическое количество «неответов» на вопрос о национальности по причинам: ограничения, связанные с пандемией COVID-19 (отказ от общения с переписчиками), нежелание респондентов заполнять онлайн анкету до конца, отсутствие у молодежи желания самоидентификации, отсутствие многих переменных в административных данных, которые широко использовались в качестве альтернативы.

Миграционная привлекательность сельских территорий приморских курортов Калининградской области сближает регион с черноморскими курортными муниципалитетами Крыма (Гусаков, 2021).

В Калининградской области фиксируются перетоки населения в пределах городской агломерации между сельскими поселениями соседних муниципалитетов, что ранее не было описано в отечественной литературе. Это в первую очередь перемещение населения из промышленных пригородов областного центра на территории Гурьевского МО в приморский Зеленоградский МО, что, по мнению авторов, свидетельствует о развитии субурбии, подобно процессам, происходящим в других регионах России (Перькова, Маркова, 2020).

Сельская местность периферии, которая практически в полном составе (кроме Черняховского МО) относится к третьему типу муниципалитетов — с преобладанием миграционной убыли населения, — продолжает испытывать влияние урбанизации. В то же время ежегодная миграционная убыль здесь снижается на фоне смены источника замещения внутрирегионального оттока — с международной миграции на межрегиональную — и укрепления его роли. Важнейшую роль в стабилизации миграционной обстановки в сельской местности периферии и дальней пригородной зоны играет реализация инвестиционных проектов в сфере сельского хозяйства, АПК и туризма, развитие системы профессионального образования, инфраструктуры (транспортной, жилищной, социальной), содействие развитию предпринимательства.

Библиография

Абылкаликов С. И. (2015). Типологический анализ регионов России по миграционным характеристикам // Региональная экономика: теория и практика. № 22(397). С. 21–30.

Аверкиева К. В. (2023). Сельская джентрификация: горожане в сельской местности российского Нечерноземья // Крестьяноведение. Т. 8. № 4. С. 137–151.

Алешковский И. А. (2007). Внутренняя миграция в современной России: тенденции, детерминанты, политика. М.: ТЕИС.

Андреева Е. А., Карачурина Л. Б. (2021). Стратегии миграции врачей в периферийные муниципальные образования (на примере Тверской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 316–338.

Вакуленко Е. С. (2019). Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? // Прикладная эконометрика. Т. 3. № 55. С. 113–138.

Григоричев К. В. (2011). Миграционные процессы в зоне Иркутской агломерации на рубеже XX–XXI вв. // Известия АлтГУ. № 4-1. С. 53–59.

Григоричев К. В. (2016). Многообразие пригорода: субурбанизация в сибирском регионе (случай Иркутска) // Городские исследования и практики. № 2. С. 7–23.

Григоричев К. В. (2013). В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: ООО «Издательство Оттиск».

Гуменюк И. С., Гуменюк Л. Г. (2021). Транспортная связность как фактор преодоления периферийности: пример сельских поселений Калининградской области // Балтийский регион. Т. 13. № 4. С. 147–160.

Гуменюк И. С., Юстратова В. О. (2024). Сельская агломерация как новая форма пространственного развития сельско-городского партнерства: пример Калининградской области // Крестьяноведение. Т. 9. № 4. С. 21—43.

Гусаков Т. Ю. (2021). Сельско-городская миграция на Крымском полуострове // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 21. № 2. С. 279–295.

Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. (2021). Внутрирегиональная миграция населения в России: пригороды выигрывают у столиц // Известия РАН. Серия географическая. Т. 85. № 1. С. 24–38.

Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. (2024). Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа // Крестьяноведение. № 2. С. 153–179.

Кузнецова Т. Ю., Сибирева Н. И. (2020). Экономико-демографические различия муниципальных образований Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. № 1. С. 43–55.

Лялина А. В. (2020). Внутрирегиональная дифференциация Калининградской области по уровню жизни: тенденции и проблемы // Балтийский регион — регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений / А. А. Михайлова (ред.). Материалы IV международной научно-практической конференции. Т. 4. Ч. 1. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта. С. 281–295.

Лялина А. В. (2022). Миграция сельского населения // Калининградское село в начале XXI века: производство, расселение, социальные инновации / Г. М. Федоров (ред.). Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта. С. 64–75.

Лялина А. В. (2019). Роль миграции в демографическом развитии Калининградской области // Региональные исследования. № 4. С. 73–84.

Лялина А. В. (2023). Внутрирегиональная миграция как фактор динамики численности населения муниципальных образований Калининградской области // Региональные исследования. № 3. С. 65–80.

Мкртчян Н. В. (2024). Миграция сельского населения в России в 2010-е годы // Демографическое обозрение. Т. 11. № 2. С. 21–43.

Моляренко О. А. (2013). Распределенный образ жизни и контрурбанизационные процессы как факторы развития сельских и городских поселений // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 48–70.

Нефедова Т. Г., Мкртчян Н. В. (2017). Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 5. С. 58–67.

Никулина Ю. Н., Арефьева В. А., Сарайкин В. А. (2022). Альтернативная сельская занятость и ее связь с возвратной миграцией горожан // Народонаселение. Т. 25. № 1. С. 118–128.

Овчинцева Л. О. (2021). Новые селяне: мотивы и факторы переселения из города в сельскую местность // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 2. С. 296–310.

Ожегова Л. А., Сазонова Г. В. (2024). Миграционные процессы в сельской местности Республики Крым // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 20. № 3. С. 104–115.

Перькова М. В., Макарова М. Г. (2020). Проблемы развития субурбии в г. Белгород // Техническая эстетика и дизайн-исследования. Т. 2. № 2. С.47–56.

Сергиенко А. М. (ред.) (2019). Миграция сельской молодежи: в фокусе — Алтайский край. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.

Стешина М. П. (2010). Методика оценки межмуниципальных миграционных связей // Вестн. Самар. гос. экон. ун-та. № 6 (68). С. 76–80.

Тарасова Е. В. (2018). Миграционные связи муниципальных образований Алтайского края // Мир Большого Алтая. Т. 4. № 4. С. 576–590.

Трейвиш А. И. (2016). Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. № 1. С. 52–69.

Федоров Г. М. (2023). О пространственной дифференциации сельской местности Калининградской области и территориальных различиях социально-экономической политики на селе // Балтийский регион. Т. 15. № 3. С. 117–139.

Федоров Г М., Киндер С., Кузнецова Т. Ю. (2021). О роли географического положения и изменениях занятости в динамике сельского расселения // Балтийский регион. Т. 13. № 4. С. 129–146.

Федоров Г. М., Кузнецова Т. Ю., Разумовский В. М. (2017). Влияние близости моря на развитие экономики и расселения Калининградской области // Известия Русского географического общества. Т. 149. № 3. С. 15–31.

Хагуров А. А., Тамбиянц Ю. Г., Клыч в Е. Н., Жукова Т. А., Передерий В. А., Аутлев Д. М., Асланов Ш. С. (2020). Устойчивое развитие сельских территорий. Институциональные основания устойчивого развития (управление, экономика, экология и социальная сфера как основные факторы устойчивости общества). Краснодар: КубГАУ.

Югов Е. А. (2021). Миграционные процессы в сельской местности и их влияние на состояние трудовых ресурсов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. № 3. С. 81–93.

Chaplitskaya A., Tassinari G., Heijman W., van Ophem J. (2024). Rural-urban migration within Russia: Prospects and drivers // Regional Science Policy and Practice. Vol. 16. № 9. P. 100053.

Einem C. K-V., Panter J., Reid A. (2023). A longitudinal area classification of migration in Great Britain: Testing the application of Group-Based Multi-Trajectory modelling // Population, Space and Place. Vol. 29. №7.

Lialina A. V., Morachevskaya K. A. (2022). Economic access to food and COVID-19: New challenges for the Russian exclave // Regional Research of Russia. № 12. P. 335—349.

Mkrtchyan N. V. (2019). Migration in rural areas of Russia: Territorial differences // Population and Economics. № 3(1). P. 39—51.

Peck B. (2021). Understanding US Regions through Cluster Analysis.URL: https://medium.com/geekculture/understanding-us-regions-through-cluster-analysis-4ab87472b899 (дата доступа: 23.04.2025).

Ryazantsev S. V., Bragin A. (2023). Migration in rural areas of Ethno-national regions of the Russian Federation: Trends and consequences // Urban Studies. № 4. P. 62—77.

Rural migration in the Kaliningrad Region: Scale and geography of flows[6]

Anna V. Lialina, PhD (Geography), Researcher, Center for Socio-Economic Research of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University. A. Nevskogo St., 14, Kaliningrad, 236016, Russia. E-mail: anuta-mazova@mail.ru

Ksenia Yu. Voloshenko, PhD (Economy), Head of the Center for Socio-Economic Research of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevskogo St., 14, Kaliningrad, 236016, Russia. E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

Angelina P. Plotnikova, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevskogo St., 14, Kaliningrad, 236016, Russia. E-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com

Abstract. Today's migration in rural areas of Russian regions is highly spatially heterogeneous, reflecting opposite directions of urbanization, deurbanization and suburbanization. The covid-19 pandemic together with an increase in remote employment and exclavity of the Kaliningrad Region under external restrictions (which is manifested in

6. The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 25-27-00098, https://rscf.ru/project/25-27-00098/

the region's increased vulnerability, isolation, peripherality, closeness, limited resources and potential), on the one hand, and the region's growing popularity among internal tourists, on the other hand, determine the transformation of internal and external migration, which undoubtedly affects rural areas. The article aims at identifying changes in the scale and geography of migration flows in rural areas of the Kaliningrad Region in 2011–2023. Relative indicators of the intensity of migration flows, which are traditional for migration studies, were calculated for the first time based on the data on internal migration between municipalities separately for rural areas. The authors applied typologization and cartographic methods to explain the differences in migration attractiveness and the features of migration in the near suburban, far suburban and peripheral zones. Thus, migration in rural areas of near suburbs is characterized by rapid growth, mainly due to the inflow from other regions and the regional center, but also as a result of resettlement in the eastern part of the region. Rural areas in far suburbs and peripheries have slowed their loss of population due to a noticeable replacement of rural-urban outflow by interregional migration.

Key words: rural area, internal migration, rural-urban migration, municipalities, suburbs, periphery, agglomeration, Kaliningrad Region

References

Abylkalikov S. I. (2015) A typological analysis of Russian regions based on migration characteristics. *Regional Economics: Theory and Practice*, vol. 22, no 397, pp. 21–30. (In Russian)

Aleshkovsky I. A. (2007) *Vnutrennyaya migratsiya v sovremennoj Rossii: tendentsii, determinanty, politika* [Internal Migration in Today's Russia: Trends, Determinants, Policy], Moscow: TEIS. (In Russian)

Andreeva E. A., Karachurina L. B. (2021) Strategies for the migration of physicians to remote and rural areas (on the example of the Tver Region). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 3, pp. 316–338. (In Russian)

Averkieva K. V. (2023) Rural gentrification: City dwellers in rural areas of Russia's Non-Black-Earth region. *Russian Peasant Studies*, vol. 8, no 4, pp. 137–151. (In Russian)

Chaplitskaya A., Tassinari G., Heijman W., van Ophem J. (2024) Rural-urban migration within Russia: Prospects and drivers. *Regional Science Policy and Practice*, vol. 16, no 9, 100053.

Einem C.K-V., Panter J., Reid A. (2023) A longitudinal area classification of migration in Great Britain: Testing the application of Group-Based Multi-Trajectory modelling. *Population, Space and Place,* vol. 29, no 7, e2694.

Fedorov G. M. (2023) Spatial differentiation of rural territories in the Kaliningrad Region: Implications for social-economic policies. *Baltic Region*, vol. 15, no 3, pp. 117–139. (In Russian)

Fedorov G. M., Kinder S., Kuznetsova T.Yu. (2021) The effect of geographical position and employment fluctuations on rural settlement trends. *Baltic Region*, vol. 13, no 4, pp. 129–146. (In Russian)

Fedorov G. M., Kuznetsova T.Yu., Razumovsky V. M. (2017) The sea effect on economic development and settlement structure in the Kaliningrad Region. *Proceedings of the Russian Geographical Society*, vol. 149, no 3, pp. 15–31. (In Russian)

Grigorichev K. V. (2011) Migration in the Irkutsk agglomeration (late 20th — early 21st centuries). *News of the Altai State University*, no 4–1, pp. 53–59. (In Russian)

Grigorichev K. V. (2013) *V teni bolshogo goroda: sotsialnoe prostranstvo prigoroda* [In the Shadow of the Big City: Social Space of Suburbs], Irkutsk: Izd-vo "Ottisk". (In Russian)

Grigorichev K. V. (2016) Diversity of suburbs: Suburbanization in the Siberian region (the case of Irkutsk). *Urban Studies and Practices*, vol. 1, no 2, pp. 7–23. (In Russian)

Gumenyuk I. S., Gumenyuk L. G. (2021) Transport connectivity as a factor in overcoming challenges of the periphery: The case of rural areas in the Kaliningrad Region. *Baltic Region*, vol. 13, no 4, pp. 147–160. (In Russian)

Gumenyuk I. S., Yustratova V. O. (2024) Rural agglomeration as a new form of spatial development of the rural-urban partnership (on the example of the Kaliningrad Region). *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 4, pp. 21–43. (In Russian)

Gusakov T.Yu. (2021) Rural-urban migration on the Crimean Peninsula. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 21, no 2, pp. 279–295. (In Russian)

Karachurina L. B., Mkrtchyan N. V. (2021) Intraregional migration in Russia: Suburbs overtake capitals. *News of the RAS. Geographical Series,* vol. 85, no 1, pp. 24–38. (In Russian)

Kartseva M. A., Mkrtchyan N. V., Florinskaya Yu.F. (2024) Rural-urban migration in contemporary Russia through the prism of quantitative and qualitative analysis. *Russian Peasant Studies*, no 2, pp. 153–179. (In Russian)

Khagurov A. A., Tambiyants Yu.G., Klychev E. N., Zhukova T. A., Peredery V. A., Autlev D. M., Aslanov Sh.S. (2020) *Ustojchivoe razvitie selskih territorij. Institutsionalnye osnovaniya ustojchivogo razvitija (upravlenie, ekonomika, ekologija i sotsialnaja sfera kak osnovnye faktory ustojchivosti obshhestva)* [Sustainable Development of Rural Areas. Institutional Foundations of Sustainable Development (Management, Economy, Ecology and Social Sphere as the Main Factors of Sustainability)], Krasnodar: Kuban SAU. (In Russian)

Kuznetsova T.Yu., Sibireva N. I. (2020) Economic and demographic distinctions between municipal districts of the Kaliningrad Region. *Bulletin of the IKBFU. Series: Humanities and Social Sciences*, no 1, pp. 43–55. (In Russian)

Lialina A. V. (2019) The role of migration in demographic development of the Kaliningrad Region. *Regional Studies*, no 4, pp. 73–84. (In Russian)

Lialina A. V. (2020) Intraregional disparity of the Kaliningrad Region by living standards: Trends and problems. *Baltijsky region — region sotrudnichestva. Regiony v usloviyah globalnyh izmenenij,* Kaliningrad: IKBFU Publishing, pp. 281–295. (In Russian)

Lialina A. V. (2022) Rural migration. G. M. Fedorov (Ed.) *Kaliningrad Village at the Beginning of the 21st Century: Production, Settlement, Social Innovations*, Kaliningrad: IKBFU Publishing, pp. 64–75. (In Russian)

Lialina A. V. (2023) Intraregional migration as a factor of population growth in municipalities of the Kaliningrad Region. *Regional Studies*, no 3, pp. 65–80. (In Russian)

Lialina A. V., Morachevskaya K. A. (2022) Economic access to food and covid-19: New challenges for the Russian exclave. *Regional Research of Russia*, no 12, pp. 335–349.

Mkrtchyan N. V. (2019) Migration in rural areas of Russia: Territorial differences. *Population and Economics*, vol. 3, no 1, pp. 39–51.

Mkrtchyan N. V. (2024) Rural migration in Russia in the 2010s. *Demographic Review*, vol. 11, no 2, pp. 21–43. (In Russian)

Molyarenko O. A. (2013) A distributed way of life and counter-urbanization as development factors of rural and urban settlement. *Public Administration Issues*, no 1, pp. 48–70. (In Russian)

Nefedova T. G., Mkrtchyan N. V. (2017) Rural migration and dynamics of agricultural employment in the regions of Russia. *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*, no 5, pp. 58–67. (In Russian)

Nikulina Yu.N., Arefyeva V. A., Saraikin V. A. (2022) Non-agricultural rural employment and urban-rural migration: Is there a connection? *Population*, vol. 25, no 1, pp. 128–128. (In Russian)

Ovchintseva L. A. (2021) New villagers: motives and factors for moving from urban to rural areas. *RUDN Journal of Sociology*, no 2, pp. 296–310. (In Russian)

Ozhegova L. A., Sazonova G. V. (2024). Migration in rural areas of the Republic of Crimea. *Regional Geopolitics and Ecogeodinamics,* vol. 20, no 3, pp. 104–115. (In Russian)

Peck B. (2021) Understanding US Regions through Cluster Analysis. URL: https://medium.com/geekculture/understanding-us-regions-through-cluster-analysis-4ab87472b899.

Perkova M. V., Makarova M. G. (2020) Issues of suburban development in Belgorod. *Technical Aesthetics and Design Research*, vol. 2, no 2, pp. 47–56. (In Russian)

Ryazantsev S. V., Bragin A. (2023) Migration in rural areas of ethno-national regions of the Russian Federation: Trends and consequences. *Urban Studies*, no 4, pp. 62–77.

Sergienko A. M. (Ed.) (2019) *Migratsiya selskoj molodezhi: v fokuse — Altajsky kraj* [Migration of the Rural Youth: Focus on the Altai Region], Barnaul: Altai State University Publishing. (In Russian)

Steshina M. P. (2010) Methods for assessing intermunicipal migration links. *Bulletin of the Samara State University of Economics*, no 6, pp. 76–80. (In Russian)

Tarasova E. V. (2018) Migration links between municipal units of the Altai Region. *World of Great Altai*, vol. 4, no 4, pp. 576–590. (In Russian)

Treyvish A. I. (2016) Rural-urban continuum: Fate of the notion and its connection to the population spatial mobility. *Demographic Review*, no 1, pp. 52–69. (In Russian)

Vakulenko E. S. (2019) Motives for internal migration in Russia: What has changed in recent years? *Applied Econometrics*, no 3, pp. 113–138. (In Russian)

Yugov E. A. (2021) Migration in rural areas and its effect on labor resources. *Proceedings of the Voronezh State University. Series: Economics and Management,* no 3, pp. 81–93. (In Russian)